

Ю Ж Н Ы Й К Р А Й

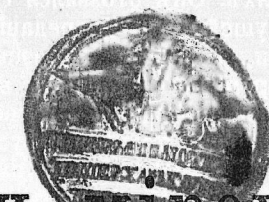
№ 6319. Годъ девятнадцатый.

Харьковъ. Среда, 26-го Мая (5-го Юня) 1899 года.

Годъ девятнадцатый, № 6319.

Памяти А. С. Пушкина,

въ день столѣтней годовщины рожденія великаго русскаго и мирового поэта

(26-е Мая 1799 г.—26-го Мая 1899 г.).

А. С. Пушкинъ передъ выходомъ изъ лицея (1817 г.), портретъ, принадлежавшій директору лицея Е. А. Энгельгардту.

А. С. Пушкинъ въ послѣднй годъ жизни, рисункъ и гравюра Райта.

А. С. Пушкинъ 12—14 лѣтъ (1811—1813 г.), съ гравюры П. Е. Гейтмана, копия которой была приложена въ 1822 году къ „Кавказскому плѣннику“.

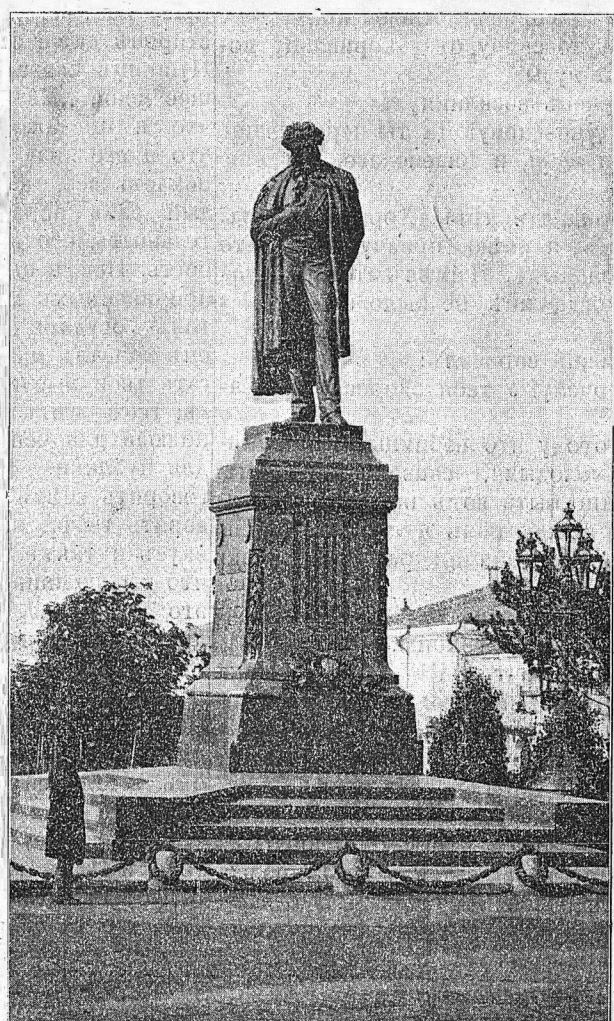
Мать поэта, Надежда Осиповна Пушкина (рожденная Ганнибаль), († 1836 г.).

А. С. Пушкинъ въ 1827 году (28 лѣтъ)—портретъ кисти О. А. Кипренскаго.

Отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ († 1848 г.).

Памятникъ А. С. Пушкину работы академика Онекушина, открытй въ Москвѣ 6-го Юня 1880 года.

Медаль, выбитая въ 1862 году, въ память А. С. Пушкина академикомъ Чукмасовымъ. *)

*) Эта медаль интересна въ томъ отношеніи, что она представляетъ одну изъ немногихъ попытокъ изобразить лицо поэта въ профиль. Годъ рожденія поэта означенъ на медали не вѣрно: А. С. Пушкинъ родился не 29-го мая, а 26-го.

Изваяніе А. С. Пушкина на памятникѣ поэту работы Онекушина.

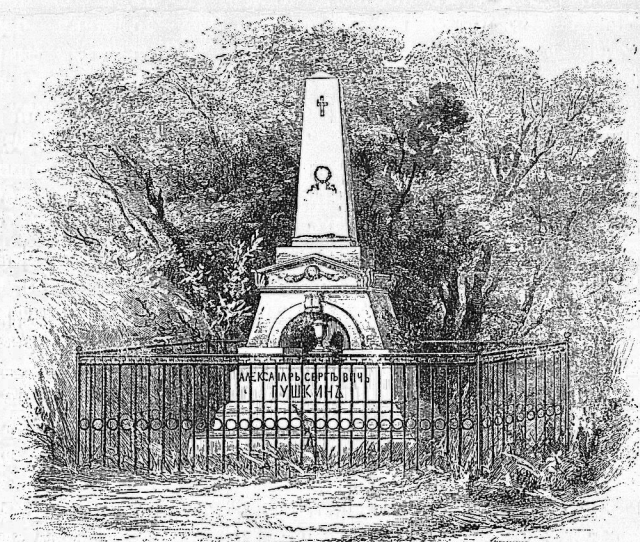

Императоръ Александръ Павловичъ и Императоръ Николай Павловичъ,
къ царствованіямъ которыхъ относится литературная дѣятельность А. С. Пушкина.

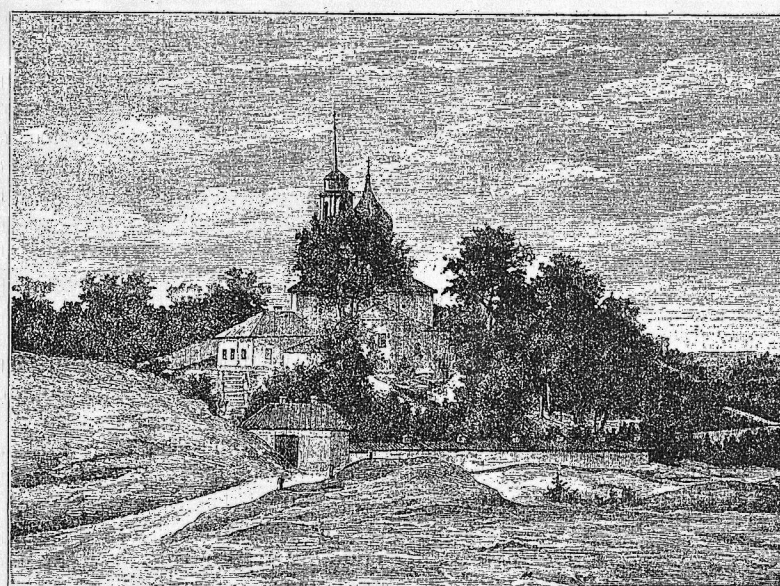
Памятникъ надъ могилою А. С. Пушкина въ оградѣ
Святогорскаго Успенскаго монастыря, Псковской губер-
ніи, Опочецкаго уѣзда.

Прибытіе раненаго А. С. Пушкина домой послѣ дуэли
съ Дантесомъ (27 января 1837 г.), съ рисунка П. Ф.
Борева.

А. С. Пушкинъ въ гробу, съ литографіи 1837 года.

Святогорскій Успенскій монастырь (Псковской губ.,
Опочецкаго уѣзда), гдѣ похороненъ Пушкинъ.

На памятник, что ты возводишь
нерукотворно,
Хвали тебѣ воздасть,—да встанет
образъ твой
Во всей своей красѣ и силѣ чудотворной!
О, въ этотъ день, забывъ недавни
крикъ глушовой,
О гени твоимъ тупые персудай,
Молю я, чтобы никие наборомъ
пышныхъ словъ
Тебѣ не даровалъ любовная Гуды.

Г. А. Головокъ *).

На пятидесятилетіе со дня смерти
Пушкина.

Подъ бѣлымъ саваномъ зими
Сокрылся нашъ поэтъ великій.
Миръ половъ былъ унылой тьмы,
И вѣтеръ вылъ съ печально дикой.
„Поэта нѣтъ! поэта нѣтъ!
Замокли карстственные звуки
Погасъ въ немъ вдохновенный
свѣтъ!
Въ безсилыя опустились руки...
„Поэта нѣтъ! Его слыши
Въ превратномъ мирѣ исчезаютъ...
Но нѣтъ! —Поэзии нѣтъ!
Во вѣкъ вѣкомъ не увидать!
Они цвѣтутъ въ живыхъ
словахъ,
Они цвѣтутъ въ блестящихъ
тонахъ,
Они цвѣтутъ въ его слезахъ,
Въ его высоко-скорбныхъ сто
нахъ.
Онь мощнымъ чувствомъ охватилъ
Всю Русь и силъ въ своихъ тво
реняхъ.
Въ нихъ, вдохновенный, отразилъ
Родной народъ въ его стремленьяхъ
Родной природы красоту,
Народовъ русскихъ бытъ и
нравы,
Стремилъ кавказскихъ высту
И горше дикя забавы.

*) Соинскія, Харьковъ 1894, стр. 50—52.
Безвременно скончался въ мѣсяцъ талантливый юноша Г. А. Головокъ былъ воспитанникомъ 3-ей Харьковской гимназіи и Харь

жизнь женой, и Арендт сказала Жуковскому: «Какое у него мужество — видеть я его страшно мучил!» Шампанское и лед несколько успокаивали рвоту и ужасную жажду, но ему не могли давать много сразу.

Когда рвота остановилась, для его друзей явилась минута надежды. Пушкин и жёны и доктора ни одной минуты не сомневались в исходе. Великий князь Михаил пришёл к полубуду и вызвал Жуковского, который тотчас спустился; великий князь просил передать Пушкину несколько ласковых слов и сказал Жуку: «Я нахожусь безнадёжно его и его жёны: в каждую минуту только близкие друзья и родные имеют право входа. Но сейчас же ему, как я в глубоком горю и знаю, что я его никогда не забуду. Передай же ему, что мой брат, Император, и я столь же восхищены им, как и вы, и уважали его, и что его смерть будет для нас величайшим горем. Они должны быть убеждены в нас!»

Арендт сказала Государю в последний вечер: «Он погиб. Я не могла найти пулю; она вошла во внутреннюю кишку, удар послёдовал сверху вниз, очевидно, его противник был выше ростом. Это худшая из ран, — вы живёте, и я думаю, что он ещё живёт». Она рассказала ему о мужестве Пушкина во время зондирования. Записку Государю его оживила; он хотел бы тотчас же, но не мог держать пера и поручил Жуковскому передать Государю его последнее «прости». Он послёдовал записку Государю, и прошептал ему возвратит и сказать Государю, что он его утешил, «назавишь другим и высказав столько доброты в его честность». Жуковский говорил: «Я был так взволнован, что отдавая записку Государю, что надо было плакать. Я едва мог передать ему последний привет Пушкина. Позднее я повторил его императору с слезы; он сказал мне руки, обнял и сказал: «Венись к нему, не покидай ни на минуту; ты будешь счастлив другим и со мной, ведь присутствие его полезно. Я счастлив, что он выразил желание причаститься, как только у него прекратится рвота; постой у него, это успокоит, и пусть он не думает о будущем своей семьи, — что будет моей заботой, также как и его долги». Как только рвота прекратилась, Пушкин потребовал священника, исповядовался и причастился, и священник, выходя, сказал: «Я желаю всякой христианской души, он простил всь, его несомненно». Священник был по-настоящему его ясною, спокойствием и его советом. Он сказал: «Скажи Мещеряку». Я резко встретил умирающих, говорящих таким образом, с таким ясным умом, возвышенною душою и таким смиренiem в 37 лет».

Пушкин благословил и обнял друзей. Лихорадка уменьшилась, но Арендт сказала, что это предвещает агонию, так как у него начался дрожь. Натали плакала, падала в обморок, е постоянно должны были уводить, так как она слишком долго плакала Пушкина. Как только она утихла, он переставал становиться в последние часы, когда он съел детскую моршину со сливком. Как часто он был у нас и любил, чтобы ему подавали в маленьком деревянном чашечке, при чём говорил: «Это моё лекарство! Это и ещё малиновое варенье съедать ледяною водою: знаете, я даже даже вдыхаю. Когда я пишу, оно у меня всегда на столе!»

В последнюю минуту он ещё думал о Натали, и сказал ей, что он хочет спать, — пусть и она пойдёт отдохнуть. Потом он посмотрел на свои книги и прошептал: «Прощайте, друзья!» Даль его приподнял. Он сказал громко, так что Жуковский даже вздрогнул: «Прощай, жёны!» — и перешёл в царство вечности.